

АРТУР КЛАРК

ЗЕМНОЙ СВЕТ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
K47

Серия «Эксклюзивная классика»

Arthur C. Clarke
EARTHLIGHT

Перевод с английского *M. Пчелинцева*

Серийное оформление *A. Фереза, E. Ферез*

Дизайн обложки *B. Воронина*

Печатается с разрешения David Higham
Associates Limited и The Van Lear Agency LLC.

Кларк, Артур.
K47   Земной свет : [роман] / Артур Кларк ; [перевод с английского М. Пчелинцева]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 256 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-149144-4

Отношения между двумя противоборствующими лагерями — Землей и ее колониями — резко накаляются. Земные спецслужбы, узнав об утечке важной информации, посыпают на Луну своего агента под видом бухгалтерской проверки. Если его миссия будет провалена, начнется первая в истории человечества космическая война...

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-149144-4

© Rocket Publishing Company Ltd., 1955
© Перевод. М. Пчелинцев,
наследники, 2022
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2026

Глава 1

Поднимаясь с погруженной в ночную тьму равнины на взгорье, монорельс терял скорость. «Скоро и солнце догоним», — подумал Садлер. Здесь терминатор двигался совсем медленно, при желании человек мог бы без особого труда идти с ним вровень, удерживать раскаленный шар точно на горизонте — пока не захотелось бы передохнуть. Но даже и потом солнце будет закатываться так медленно и неохотно, что только через час с лишним последний его ослепительный сегмент исчезнет и наступит долгая лунная ночь.

Сквозь эту ночь и мчался сейчас Садлер, пересекая землю, открытую первопроходцами два столетия тому назад, со скоростью пятьсот километров в час. Кроме него и истомленного скучой кондуктора, чьи обязанности, похоже, ограничивались приготовлением для пассажиров кофе, в вагоне ехали четыре астронома Обсерватории, остальные места пустовали. Дружелюбно кивнув своему попутчику при входе, жрецы науки тут же перестали его замечать и с головой погрузились в какой-то свой — научный, конечно же, — спор. Несколько уязвленный таким

пренебрежением, Садлер утешился мыслью, что его приняли не за новичка, впервые выполняющего задание на Луне, а за бывалого старожила.

Свет, горящий в салоне, не давал возможности толком рассмотреть окутанную тьмой местность, над которой почти бесшумно мчался вагон. «Тьма» — это, пожалуй, слишком сильно сказано. Солнце все еще оставалось за горизонтом, но почти в зените висела Земля, приближавшаяся к первой четверти. Через неделю, в лунную полночь, родная планета человечества превратится в ослепительный диск — ослепительный в самом буквальном смысле, глядеть на «полную Землю» незащищенными глазами невозможно.

Садлер встал, миновал все еще увлеченных спором астрономов и направился вперед, к небольшому купе, отделенному от салона плотной занавеской. Не успевший еще привыкнуть к тяготению в одну шестую земного, он пробирался по узкому коридору, зажатому между туалетами и кабиной управления, медленно и осторожно.

Вот теперь что-то видно; обзорные окна могли бы быть и побольше, но это не допускалось по каким-то малопонятным соображениям безопасности. Однако здесь не мешал внутренний свет, так что можно было наконец насладиться застывшим великолепием этого древнего пустынного мира.

Застывшим... Да, было совсем нетрудно поверить, что за окнами уже двести градусов ниже нуля, хотя солнце зашло всего несколько часов назад. Собственно говоря, впечатление холода создавал скорее

не пролетающий мимо ландшафт, а голубовато-зеленый, льющийся на него свет; в стылом этом сиянии, отраженном от морей и облаков далекой Земли, не было ни грана тепла. «Странный парадокс, — подумал Садлер, — ведь сам по себе повисший в небе мир полон тепла и уюта».

Впереди летящего сквозь ночь («земную», что ли? Ведь на Земле я сказал бы «лунную») вагона прямой, как стрела, тянулся тонкий рельс, поддерживаемый как-то слишком уж редко поставленными опорами. Еще один парадокс, этот мир на них не скупится. Ну почему бы солнцу не заходить по-человечески, на западе? Этому было какое-то очень простое астрономическое объяснение, но сейчас Садлер не мог его вспомнить. Затем он сообразил, что, если разобраться, все подобные названия совершенно произвольны и их могли перепутать при составлении карты новых просторов, завоеванных человеком.

Путь все еще шел вверх; сперва все поле зрения занимал крутой, почти отвесный обрыв. Слева — это что же будет, юг, что ли? — местность спадала вниз слоистыми, неровными террасами; похоже, что когда-то, миллиарды лет назад, изливающаяся из раскаленной сердцевины Луны лава застывала здесь серией последовательных, все ослабевающих волн. Леденящий душу вид, но ведь и на Земле есть места ничуть не более жизнерадостные. Например — мрачная, враждебная всему живому Аризонская пустыня, а склоны Эвереста еще хуже; здесь, на Луне, нет хотя бы тамошнего вечного, до костей пронизывающего ветра.

А потом Садлер с трудом сдержал крик: обрыва вдруг не стало, он исчез, словно обрубленный исполинским зубилом, и справа открылась новая картина. С трудом верилось, что этот потрясающий эффект — случайность, что он создан спонтанным артистизмом Природы.

Словно ангелы в огненной своей славе, вдоль края неба нескончаемой чередой шагали вершины Апеннин, раскаленные последними лучами заходящего Солнца. Внезапный взрыв света почти выжигал сетчатку; Садлер инстинктивно зажмурился и прикрыл глаза рукой. Через несколько секунд, когда он снова — и опасливо — их открыл, мир оказался совершенно преображенным. Звезды, заполнившие небо, исчезли — сузившиеся зрачки не могли их уже различить; Земля — бывшая только что ослепительно яркой — превратилась в жалкий зеленоватый лоскуток. Даже с расстояния в сотню с лишним километров залитые солнцем горы затмевали все остальные источники света.

Фантастические пламенные пирамиды словно не имели под собой никакой опоры, они парили в небе подобно земным закатным облакам — линия, отделяющая день от ночи, была настолько резкой, что подножия гор совершенно скрывались в непроницаемом мраке, казалось, что реально существуют только сверкающие вершины. Пройдут еще долгие часы, прежде чем последний из этих горделивых пиков погрузится в ночную тень.

Занавески раздвинулись, пропуская в смотровое купе одного из астрономов. Все еще уязвленный

полным пренебрежением спутников, Садлер неловко молчал. К счастью, проблема этикета разрешилась без его участия.

— Стоит того, чтобы лететь сюда с Земли? — спросил почти неразличимый в темноте сосед.

— Да, несомненно, — согласился Садлер, но тут же добавил подчеркнуто безразличным тоном: — Только это в первое время, а потом привыкнешь и перестанешь замечать.

Из темноты донеслось хмыканье:

— Не сказал бы. Некоторые вещи никогда не приедаются, сколько тут ни живи. Только что с корабля?

— Да. Прилетел вчера вечером на «Тихо Браге». Ничего еще толком не видел.

Садлер заметил, что бессознательно подражает отрывистой, состоящей из коротких фраз речи собеседника. Интересно, они все здесь так разговаривают? Может быть, пытаются экономить воздух?

— Где будете работать? В Обсерватории?

— Вроде того, хотя я и не буду в штате. Я бухгалтер. Анализирую затратную эффективность здешних работ.

В купе нависла долгая, задумчивая тишина.

— Вы уж извините меня за невежливость, — снова заговорил астроном. — Я должен был представиться. Роберт Молтон. Начальник отдела спектроскопии. Вот теперь будет у кого спросить, как начисляется подоходный налог.

— Боюсь, может дойти и до этого, — сухо заметил Садлер. — Меня зовут Берtram Садлер. Я из аудиторского бюро.

— Хм-м. Думаете, мы здесь транжирим деньги попусту?

— Это решат другие. Я должен прояснить, как вы их тратите, а не почему.

— Развлечение вам предстоит еще то. Здесь каждый докажет, что на его работу нужно в два раза больше денег, чем ассигновано. Да и вообще — каким, к черту, образом можно налепить ценник на чисто научное исследование?

Эту проблему Садлер обдумывал довольно давно, однако счел за лучшее не вдаваться в объяснения. От добра добра не ищут; легенду восприняли без всяких сомнений — стараясь сделать ее еще убедительнее, обязательно на чем-нибудь сгоришь. Он не был особенно хорошим лжецом, хотя надеялся, что мало-помалу умение придет.

Во всяком случае, то, что услышал сейчас Молтон, было чистой правдой, жаль только, что не всей правдой, а какими-то там пятью ее процентами.

— Я вот тут думаю, — заметил он, указывая на пылающие впереди вершины, — как мы преодолеем эти горы. Туннелем или поверху?

— Поверху, — откликнулся Молтон. — Они не такие уж высокие, хотя выглядят, конечно же, здорово. Вот посмотрите на горы Лейбница и на хребет Оберта — те раза в два выше.

«Для начала хватит и этих», — подумал Садлер. Плавно, но неуклонно трасса уходила вверх. На встречу низко сидящему на единственном своем рельсе вагону мчались скалы и дикие каменистые обрывы; с бешеною скоростью промелькнув, они

исчезли позади, в почти непроглядной тьме. Единственное, пожалуй, место в мире, где человек может путешествовать так быстро — и так близко от земли. Ни один реактивный лайнер, несущийся над облаками, не создает у своих пассажиров такого пугающе острого впечатления скорости.

Будь сейчас день, Садлер мог бы полюбоваться на чудеса строительной техники, перебросившие эту дорогу через подножия Апеннин, однако темнота скрывала паутинно-тонкие мосты и объезды вокруг слишком уж широких провалов; он видел только все те же вершины — сказочные огненные корабли, плывущие в безбрежном океане ночи.

А затем далеко на востоке из-за края Луны высунулся крошечный, ослепительно сверкающий ломтик — вагон вышел из тьмы на свет, догнал Солнце в его беге по угольно-черному небосводу. Сияние, затопившее кабину, заставило Садлера отвернуться от окна, и он впервые ясно рассмотрел попутчика.

В свои пятьдесят с лишком лет доктор (или надо «профессор»?) Молтон сохранил роскошную гриву черных, без малейшего проблеска седины волос. Лицо — очень уродливое, но при этом очень к себе располагающее. Глядя на такое лицо, сразу чувствуешь, что перед тобой насмешливый, преисполненный здравого смысла философ, этакий современный Сократ, достаточно далекий от житейской суэты, чтобы любому человеку дать непредвзятый совет, но в то же самое время ничуть не чуждающийся людского общества. «Золотая душа, скрывающаяся под внешней грубой оболочкой», — подумал

Садлер и чуть не сморщился от пошлости этой избитой фразы.

Они обменялись внимательными, оценивающими взглядами — два человека, догадывающихся, что это не последняя их встреча, очень напоминали сейчас двух обнюхивающих друг друга собак. Затем Молтон улыбнулся; наморщившись, его лицо стало почти таким же корявым, как пролетающий за окнами пейзаж.

— Насколько я понимаю, первый для вас лунный восход... не совсем, правда, обычный — не в той стороне и без последующего дня. Жаль, что все продлится каких-то десять минут, — перевалив через гребень, мы снова окунемся в ночь. И следующего, более правильного восхода придется ждать две недели.

— А не слишком ли это утомительно — сидеть взаперти по две недели подряд?

Задав вопрос, Садлер сразу же прикусил язык — это надо же было сморозить такую глупость. Однако Молтон не стал смеяться и ответил вполне серьезно:

— Сами увидите. День или ночь — под землей этого не замечаешь. А выйти на поверхность можно когда угодно. Некоторые даже предпочитают ночь — земной свет создает у них романтическое настроение.

Монорельс достиг верхней точки своей траектории. Оба путешественника замолкли, наблюдая, как озаренные Солнцем пики на несколько секунд загородили половину неба, а затем побежали, быстро уменьшаясь, назад. Со стороны Моря Дождей склон был гораздо круче; вагон быстро опускался, и Солнце сперва превратилось из сверкающего ломтика в поло-

ску, затем стало крошечной огненной точкой — и потухло. Под самый конец этого искусственного заката, за несколько секунд до окончательного погружения в тень Луны, был потрясающий момент, который никогда не исчезнет из памяти Садлера. Они двигались вдоль гребня, уже окутанного непроглядной тьмой, однако путевой рельс, тянувшийся в каких-то метрах над поверхностью, все еще был освещен последними лучами солнца. Казалось, что вагон мчится по висящей в пространстве ленте пламени, созданной скорее каким-то волшебством, чем технической изобретательностью человека. Затем наступила ночь, и все волшебство развеялось. В небе постепенно, одна за одной, зажигались звезды — глаза Садлера начинали привыкать к темноте.

— А вы везучий, — заметил Молтон. — Сотню раз проезжал по этому месту и никогда не видел ничего подобного. Идемте в вагон — скоро будут кормить. Все равно смотреть больше нечего.

«А вот это уж, — подумал Садлер, — и совсем неверно». Теперь, с заходом Солнца, снова вступил в свои права свет Земли, заливающий огромную, вечно сухую равнину, так неточно названную в древности Морем Дождей. Зрелище не такое яркое, как оставшиеся позади горы, но и от него перехватывало дыхание.

— Я постою еще. Это вы ко всему тут привыкли, а мне хочется смотреть и смотреть.

— Ничуть вас не осуждаю, — добродушно рассмеялся Молтон. — Боюсь, мы тут и вправду отвыкли удивляться чудесам.

Вагон летел вниз под головокружительно крутым углом, на Земле это было бы настоящим самоубийством. А навстречу поднималась призрачно-зеленая равнина, огороженная по краю цепочкой невысоких гор — просто холмиков, если сравнивать с горделивыми вершинами, оставшимися позади. А затем горизонт снова сжался в непривычно узкое — как и должно быть на шаре, в три с половиной раза меньшее, чем Земля, — кольцо.

Садлер проследовал за Молтоном в салон, где проводник уже расставлял подносы.

— У вас всегда так мало пассажиров? — поинтересовался он, проходя на свое место. — Не очень-то экономично.

— Экономию можно понимать по-разному, — пожал плечами Молтон. — Если судить по бухгалтерским книгам, многие из здешних дел выглядят более чем странно. Но к дороге это не относится, ее эксплуатация стоит совсем недорого. Оборудование служит практически вечно — ничто не ржавеет, не портится. Профилактический ремонт раз в два года — вот, собственно, и вся забота.

Как же он об этом не подумал? Садлеру предстояло узнать здесь очень много нового, кое-что — на своей собственной шкуре.

Обед оказался достаточно съедобным, хотя осталось полной загадкой, из чего он был приготовлен. По большей части Луна кормилась продукцией гидропонных ферм, чьи огромные — конечно же, герметические — теплицы раскинулись в экваториальных областях на десятки квадратных киломе-

тров. Похожее на говядину мясо было, вне всякого сомнения, синтетическим — Садлер где-то слышал, что единственная местная корова роскошествовала в зоопарке Гиппарха*, нимало не рискуя превратиться в бифштекс. Его необыкновенно цепкая память имела привычку ухватывать такие вот клочки совершенно бесполезной информации и хранить их затем с не меньшей тщательностью, чем что-нибудь действительно ценное.

На сытый желудок астрономы оказались более общительными; во время проведенной доктором Молтоном церемонии знакомства они вели себя достаточно дружелюбно и даже сумели несколько минут подряд не обсуждать свою работу. При всем при том не вызывало никаких сомнений, что ученые воспринимают и этого свалившегося вдруг им на голову бухгалтера, и его миссию с некоторой тревогой. Садлер буквально видел, как они перебирают в уме все свои расходы по работе и лихорадочно обдумывают, что отвечать в случае возможных придиорок. Разумеется, доводы их окажутся в высшей степени убедительными и любая попытка найти перерасход будет встречена развесиванием большого количества весьма научной лапши на уши и пусканием не менее научной пыли в глаза. Со всем этим ему уже приходилось встречаться, и не раз — но в более простой обстановке.

Еще час с небольшим — и конец пути. Последний перед Обсерваторией перегон пересекал Море Дож-

---

* Один из лунных кратеров. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

дей почти по прямой, если не считать небольшого объезда к востоку — трассировщики дороги не захотели прокладывать ее через холмистую местность, прилегающую к огромной, окруженной отвесными стенами равнине кратера Архимеда. Садлер уселся поудобнее, вытащил свои бумаги и углубился в их изучение.

В развернутом виде структурная схема организации едва уместилась на столике. Этот шедевр бюрократического искусства, аккуратно напечатанный в несколько красок — чтобы выделить разные отделы Обсерватории, — вызывал у Садлера сильное раздражение. Человек есть животное, изготавливающее орудия, — такое было, кажется, определение? Современного человека точнее будет определить как животное, зазря изводящее бумагу.

Наверху — «Директор» и «Заместитель директора», дальше схема распадается на три части, озаглавленные «Администрация», «Технические службы» и «Обсерватория». Садлер поиском доктора Молтона — ну да, вот он, конечно, в разделе «Обсерватория», прямо под «Научным руководителем», во главе короткой колонки фамилий, помеченной надписью «Спектроскопия». Уважаемый доктор имел шестерых ассистентов, с двоими из которых — Джеймисоном и Уилером — Садлер только что познакомился. Как оказалось, последний из пассажиров вагона совсем не принадлежал к ученой братии. Он имел на схеме свой собственный, личный прямоугольник и не подчинялся никому, кроме самого директора. У Садлера появились сильные подозрения, что секретарь

Уагнэл — весьма влиятельная в этих местах персона, и с ним стоит сойтись поближе.

Он изучал схему уже добрых полчаса и с головой ушел в хитросплетения квадратиков и линий, когда кто-то включил радио. Садлер ничуть не возражал против негромкой музыки, заполнившей салон, — его способность к сосредоточению могла совладать и с гораздо худшими помехами. Затем музыка смолкла, после краткой паузы прозвучало «би-ип, би-ип, би-ип, би-ип, би-ип, бип!» сигнала времени, а сразу следом — мягкий убаюкивающий голос диктора:

— Вы слушаете Землю, второй канал межпланетной службы. Шестой сигнал соответствовал двадцати одному часу по Гринвичу. Передаем новости дня.

Никакого треска, никаких помех, голос звучит ясно и отчетливо; полное впечатление, что передачу ведет местная станция. Однако Садлер видел на крыше вагона направленную в небо antennную тарелку и точно знал, что слушает сейчас прямую трансляцию. Каждое из этих слов покинуло Землю чуть больше секунды назад, они уже пролетели мимо Луны и мчатся дальше, в самые глубины космоса. Кто-то услышит их через несколько минут — и даже часов, если передачу примут корабли Федерации, находящиеся сейчас за орбитой Сатурна. И этот голос Земли будет лететь и лететь, распространяясь все шире и затихая, в те места, до которых человек не успел еще добраться, и наконец где-то там, по пути к альфе Центавра, затихнет окончательно, поглощенный неумолчным радиошепотом самих звезд.